

Министерство образования и науки Украины
Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

Филологический факультет
(Дневная форма обучения)

Кафедра мировой литературы

Воронина Любовь Александровна

Концепция мира и человека в творчестве И.Богачинской

дипломная работа

Научный руководитель –
доцент Л.А.Бурчак

Одесса - 2006

Содержание

1. Введение	3-11
2. Глава первая. Концепция мира и человека: теоретический аспект	12-33
3. Глава вторая. Антропокосмизм мира в поэтическом выражении И.Богачинской	34-53
4. Заключение	54-58
5. Литература	59-66

ВВЕДЕНИЕ

Инна Богачинская, известна как поэт русского зарубежья «третьей волны» эмиграции. Начало ее творчества соотносится с поколением 70-х годов XX столетия, рожденного в лоне шестидесятников, которые создавали ауру поиска и

творческого углубления художественной правды. Но это поколение уже формировалось в нарастании тенденции возвращения к соцреалистическим канонам и догмам, что со временем получило название «застоя».

С середины 1960-х годов стало очевидным, что «оттепель» неотвратимо сменяется «заморозками». Критика того периода, игнорируя законы эстетического анализа произведения, всецело социологизировала искусство, в частности литературу, пытаясь переделать ее на идеологическое орудие административно-бюрократического аппарата. Произведения Б.Пастернака («Доктор Живаго»), В.Гроссмана («Жизнь и судьба»), В.Дудинцева («Не хлебом единым»), А.Твардовского («Так это было»), А.Солженицына («Матренин двор») и других писателей, вскрывающих противоречия общественной жизни и уточняющих интерпретацию событий Великой Отечественной войны, подвергались негативным оценкам, и были сняты с полок библиотек. Многие произведения так и не дошли до своего читателя, когда они нужны были современникам. Усилился административный контроль над культурной жизнью. В это бурное время входила в литературу И.Богачинская.

Литература русского зарубежья, куда в скором времени суждено будет отправиться многим из поколения «шестидесятников», а потом и «семидесятников», по-прежнему оставалась вне круга чтения советского человека.

Русская литература за рубежом, сложившаяся в основном благодаря творчеству эмигрантов XX столетия, отображает хронологически и общественно - политически различные периоды жизни России. Как объект литературоведческого исследования она находит свое отражение на разных уровнях, если учесть направленность идейно-художественного анализа и степень структурной разработки поэтики. Но не только писатели «первой волны» эмиграции (1917-30-е гг.), но «второй волны» (40-е - 60-е гг.) и «третьей волны» (70-е - 90-е гг.) пока еще не находят последовательного освещения в науке. Правда, в последние годы публикации об эмигрантах стали чаще появляться как в периодической печати, так и в форматах учебных пособий, сборников статей, материалов конференций. Многотомная «Литература русского зарубежья. Антология. В 6-ти томах» (Москва, 1991г.) является первым изданием, эффективно способствующим ознакомлению с этой сложнейшей частью русской литературы нового времени. Сравнительно менее исследованным остается творчество мастеров художественного слова «третьей волны» эмиграции.

Заметно в 90-ые годы проявилось у исследователей стремление к сближению, воссоединению отечественной литературы метрополии и диаспоры. В поэтическом мире русской литературы появляются новые имена, яркие индивидуальности: Иосиф Бродский, Наум Коржавин, Ирина Ратушинская, Сергей Довлатов, Вера Зубарева, Инна Богачинская, Юрий Кублановский, стихи которых хотя и передают идейно-тематическую специфику литературы зарубежья, но характерны и для современной русской поэзии в целом. Они отражают ее существенные тенденции и проблематику, значительны своей содержательностью, органичной современному литературному процессу России и мировой литературы.

В данной выпускной работе исследуется творчество поэта «третьей волны» - Инны Яковлевны Богачинской, которая эмигрировала в Америку в 1979 году и живет с тех пор по нынешнее время в Нью-Йорке, где работает

переводчиком, периодически ведущей тематических творческих вечеров на телевидении.

Инна Богачинская - лауреат Международного фестиваля русского искусства в г. Чикаго в 1991 году и в этом же году получает звание Поэта года в Нью-Йорке. В энциклопедии Британика она характеризуется одним из «наиболее состоявшихся» поэтов русского зарубежья. В мае 2005 года Богачинская была отмечена премией I Международного фестиваля русского искусства, проходившем в Греции, а в 2006 году получила премию им. Адама Мицкевича (Польша).

Богачинскую знают в литературных кругах Москвы, уроженкой которой она является, хотя покинула этот город еще в раннем детстве по воле родителей, переехавших в Одессу. Она не теряет со временем утвердившихся творческих контактов с А.Вознесенским, А.Дементьевым, Б.Ахмадулиной, Р.Козаковой и многими журналистами родного ей города.

В отличие от многих талантливых эмигрантов, Инна Богачинская смогла сформироваться профессионально и продолжать свои поэтические искания с возрастанием глубины художнического видения и проникновения в сложности нашей современности.

Остро ощущая разрыв с оставленной родиной, Инна Богачинская, уже после изданных ею сборников, написала много новых стихов, которые в разрозненном виде не теряют по своей идейно-эстетической сущности, интонациям и стилю органической связи с прежними, а лишь более четко и полно реализуют ее поэтическую концепцию человека и мира.

Богачинская особенно дорожит контактами с Одессой, неоднократно посетив которую, она выступала на творческих встречах по телевидению и непосредственно в различных культурных центрах города, перед студентами вузов, в частности, Одесского национального университета, где она когда-то училась на факультете романо-германской филологии. Многочисленные интервью представляют собой интересный дополнительный материал в конкретизации истории отдельных замыслов автора, тех или иных мотиваций и нюансов, они привлекают посвящениями, прямой обращенностью к одесситам, штрихами менталитета южного края. Автор выпускного сочинения в отдельных случаях ссылается на ответы Богачинской, следовавшие на вопросы в обстановке личных встреч осенью 2004, 2005 года, учитывает впечатления от ее творческих выступлений.

Из литературоведческих работ научного содержания книга Виктора Финкеля «Поэты Рубежа» (1999, Филадельфия) о творчестве четырех поэтов - И. Бродского, И. Богачинской, В.Зубаревой и М.Юппа – является серьезным итоговым наблюдением над профессиональным творчеством известных авторов, которые в эмиграции продуктивно реализуют свой талант, демонстрируют зрелость опыта, подтверждающего как потенциал индивидуальностей, так и ценностную причастность к современной русской литературе, независимо от ее территориальной разделенности. «Ее поэзия пространственно богата, разнообразна, интеллектуальна, высоко эмоциональна», - пишет литературовед о Богачинской, - она «насыщена вневременными категориями космоса, мудрости и души».¹

---

¹ Финкель В. «Вулкан строк» // Поэты рубежа, Филадельфия, 1999г.

Характерно, что для анализа русской эмигрантской литературы «третьей волны» Финкель выбрал только четырех авторов, которые отличаются многим друг от друга, но сближаются на степени неповторимости дарования и художественного мастерства.

В словаре «Поэты русского зарубежья», вышедшего (1999, Санкт-Петербург), Инна Богачинская получает характеристику, интересную проникновением автора статьи в творческую лабораторию поэта: «Ее поэзия заставляет вспомнить, с одной стороны, о цветаевской невоздержанности чувств, с другой - о северянинском упоении собою и жизнью вообще. Ее лирическая героиня то страдает от одиночества в холодном механистическом мире, то поражает окружающих стремительностью в любви или рискованностью наряда... Смелое обращение со словом берет свое начало от раннего Маяковского и поэтической манеры Вознесенского».²

Привлекая фактографический материал современных событий при написании своих стихов, Богачинская выделяет общегуманистические проблемы, поднимает идейно – нравственные вопросы современности, которые во многом сопряжены с категорией трагического. Поэтесса ищет выход из катастрофического положения и призывает к общечеловеческой ответственности. В ее стихах «... тендітна і беззахистна людина намагається підняти на своїх плечах глобальні проблеми всього людства»³

Центральным образом поэтического мира И. Богачинской является человек. Именно он воплощает множество отсветов огромной и противоречивой действительности, что отражается на стиле произведений. Гиперболы, контрасты, развернутые метафоры – основные авторские средства выражения в воссоздании внутреннего содержания современной личности. Поэтическая сила Богачинской удерживает этот образ на высоте трагического. Героиня поэзии Богачинской – это и она сама, и совсем не похожие на нее персонажи, но близкие то своими чаяниями, но обстоятельствами, то мироощущением.

В настоящее время еще нет целостного аналитического освещения творчества И. Богачинской. При достаточно заметном внимании критиков к творчеству поэтессы, мы находим в основном рецензии и читательские отклики, часто фрагментарные, на отдельные поэтические сборники или эссе, упоминания в литературных очерках о русской литературе (В.Зубарева, Л.Селигер, С.Раскина, Р.Газарх). Работы по творчеству И. Богачинской не имеют системного характера, хотя их авторы и пытаются очертить творческий потенциал поэта. Тем актуальней для исследования представляется тема «мир и человек» в произведениях И. Богачинской, которая почти всегда называется, но еще не разрабатывалась. До этого времени ее творчество рассматривалось в основном публицистами, которые не претендуют на литературоведческую научность своих статей, чаще оценивая его с точки зрения этичности, что обусловило некоторую поверхностность и повторяемость высказываний. Однако характеристика самой поэтессы, как человека, ссылки на ее личностные качества, такие, как гражданская смелость, открытость, взволнованность, бесспорно, помогают в определении мировоззренческих, идейных и эстетических позиций творчества И. Богачинской.

² Словарь поэтов русского Зарубежья, С-Петербург, 1999г.

³ Ясинська В. Найвище у світі багатство // Одеські вісті, 4 грудня 2004 р.

Рассмотрение концепции мира и человека в творчестве И. Богачинской дает возможность проследить эволюцию ее видения мира, углубиться в систему поэтики произведений.

Целью данной дипломной работы является осмысление концепции мира и человека в творчестве И. Богачинской, соотносении с индивидуальным мировидением художника и форм ее выражения. Для достижения поставленной цели рассматриваются такие основные вопросы, как систематизация и осмысление теоретических аспектов концепции мира и человека в художественном произведении; рассмотрение центральных проблемно-тематических уровней художественного выражения концепции мира и человека в произведениях И. Богачинской; определить эстетические ориентации поэтессы, понимания ею мира и человека и способы художественной реализации ее мировидения в поэтических, прозаических и литературно-критических выступлениях; проанализировать образ мира и человека, их концептуальное содержание и характер изображения в творчестве И. Богачинской; определить роль и место И. Богачинской-художницы в русской литературе XX – начала XXI столетия.

В работе изучаются лирические произведения, эссе, критические статьи И. Богачинской (цитируются отрывки из сборников «В четвертом измерении» (1994), «Перевод с космического» (1999), «СТИХиЯ» (1983), «Подтексты» (1990), из литературно-критических статей, интервью, опубликованных в периодических изданиях).

Данная работа предполагает рассмотрение принципов и способов художественного отображения индивидуальной картины мира и человека в творчестве исследуемого автора, своеобразия конструирования художественного пространства, сущности концепции человека и специфики ее художественного выражения.

Теоретико-методологической основой послужили труды историков и теоретиков литературы, которые обращались в своих исследованиях к проблемам художественной концепции мира и человека: в частности, Ю. Борева, М. Храпченка о происхождении творческой концепции художника; М. Жулинского о ценностном характере концепции человека; о структурном анализе понятия «концепции человека» В. Марка. Существенными для рассмотрения концептуальных основ поэзии И. Богачинской стали также ведущие идеи работ С. Броймана, Л. Гинзбург, Б. Кормана, Л. Тодорова, В. Хализева, К. Фроловой, которые дают ответы на проблему автора в художественной литературе.

Структура дипломной работы обусловлена общей концепцией и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОНЦЕПЦИЯ МИРА И ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Литература всегда стремилась к постижению целостного образа мира и человека в нем. В каждую историческую эпоху эта проблема разрешалась по-

разному, постоянно изменялись приоритеты и аспекты ее осмысления и, собственно, каждое новое мышление начиналось с новой концепции человека и мира, которая определенным образом отражалась в художественной литературе. Еще Аристотель в своей «Поэтике» отмечал, что поэзия (литература) воспроизводит жизнь, и ее главный предмет - человек. По учению Аристотеля, поэзия способна выражать возможное и необходимое в жизни человека (то есть создавать художественное обобщение).

В современных гуманитарных науках концепция мира и человека трактуется как система общих знаний, ценностей, убеждений, практических установок, которые регулируют отношение человека к миру. Весомыми при этом являются категории мир и человек.

Категория «мир» в историческом продвижении человеческого мышления приобретала разное содержание и значение. Существует ряд обоснованных разными учеными системно-теоретических понятий, через которые конкретизировалось определение мира: «Мир – это совокупность отдельных вещей, целостных автономных объектов»⁴, или - «Мир - это все сущее, что есть в человеке и вне его»⁵. Н.Шляхова, интерпретируя окружающий мир как бытие человека, осознание им своего назначения в мире и участия в нем, отмечает, что «окружающий мир – это мир «опредмеченных» человеческих идеалов, устремлений, целей»⁶. Современный психолог, основатель биографически фундированной концепции мира и человека, Г. Томе объясняет мир как субъективное пространство, которое имеет у каждого человека свою топологическую и временную длину. Индивид постоянно взаимодействует с социальным миром, который его окружает, видоизменяя и этот мир, и самого себя. Жизненный мир личности, по Томе, является когнитивно представленным и психически переделанным реальным миром жизни. У разных людей жизненный мир отличается неодинаковой мерой своеобразия, внутренней согласованности, изменчивости. «Жизненные миры» отличные от других также масштабами замыслов, надежд, действий, широтой интересов, напряжением усилий»⁷.

В трудах С.Рубинштейна, К.Абульхановой-Славской, Л. Анциферовой, О.Асмолова, Н. Наумовой, Л. Дорфмана, Д. Леонтьева и других «жизненный мир» определяется как реальность, способ существования человека в социуме, сфера непосредственной жизнедеятельности каждого человека. В частности

---

⁴ Вілков В., Салтиковський О. Людина і світ: Навч. посібник. - К.: Кондор, 2001.-208с.,С.40.

⁵ Філософія: Підруч. / Г. Заїченко, В. Саратовський, І. Кальний та ін.; За ред. Г. Заїченката ін. - К.: Вища школа, 1995. -455с., С.54.

⁶ Шляхова Н. Художній тип. Соціальна і духовна характерність: Літературознавчі статті. — Одеса: Маяк, 1990. - 254с., С.139.

⁷ Чешир Н., Томе Г. Реабилитация Я //Московский психотерапевтический журнал. - 1996. - № 4. - С.41-42.

К.Абульханова-Славская предлагает рассматривать категорию «жизнедеятельность» практически так же широко как „жизненный мир", относя к ней и пространство ее развития, и время, в котором изменяется человек, происходит деление на „настоящее", „прошлое", „будущее".

Категорию «мир» объяснил С. Рубинштейн, который считает его специфической надстройкой бытия, присущей общественному человеку. Отходя от традиции противопоставления человека и его бытия, он видит в человеке то же бытие, его высшую форму. Онтологически бытие является миром человека, организованного иерархией разных способов ее существования. «Мир», по Рубинштейну, «не отождествляется с «объективной действительностью», ведь у каждого человека эта действительность своя, особенная. Отношение человека к миру и к другому человеку рассматривается им во взаимосвязи и взаимообусловленности»⁸. Опираясь на вышеназванные объяснения, можно сказать, что понятие „мир" в первую очередь определяется через соотношение „человек в мире - мир в человеке".

Человек в современных гуманитарных науках утверждается как «субъект социального процесса, творец культуры и истории»⁹. В философских теориях конца XIX - нач. XX ст., таких как „философия жизни" (Ф. Ницше), «экзистенциализм» (С.Кьеркегор, К. Ясперс, М.Бердяев, Г. Хайдеггер, А. Камю, Ж.-П. Сартр и др.), в психоаналитических учениях З.Фрейда, Э.Фромма, К.Юнга и других сущность человека рассматривается через познание его существования. Концептуально важным при этом является осознание смысла жизни. Смысл жизни - мировоззренческое и философское понятие, которое содержит совокупность представлений о целях и ценностях существования человека, а также возможные и допустимые способы и пути их реализации, включает познание, труд, служебную карьеру, материнство, увлечение, борьбу, семейную жизнь и др. Как мировоззренческая установка, смысл жизни — это принятый человеком идеал его бытия. Каждая историческая эпоха предлагала свое виденье человека и его смысла жизни.

Смысл жизни является вечной проблемой философии. Особенную значимость она приобретает в кризисные периоды – как в отношении отдельного человека, так и всего социума. И.В.Бойченко отмечает «<...> в жизни любого исторического индивида — отдельного человека, культуры, цивилизации, общества, народа, формации или человечества в целом - проблема смысла его бытия приобретает остроты в переломных кризисных, пограничных ситуациях, когда бытие бросает вызов человеку»¹⁰. В первой половине XX ст. эта проблема становится концептуальной для целого направления философии - экзистенциализма, который распространяясь, маркирует места кризисного состояния духа (Россия начала XX ст., Германия— после Первой мировой войны,

---

⁸ Рубинштейн С. Человек и мир // Проблемы общей психологии. - М.: Мысль, 1971. - С.255-385., С.259-261.

⁹ Человек: Философский энциклопедический словарь /Под ред. И.Т.Фролова.-М.: Наука, 2000. -516с., С.414.

¹⁰ Бойченко І. Філософія історії. – К.: Знання, 2000. — 723с., С.140.

Франция и шире Европа во времена и после Второй мировой войны). А. Камю в программном произведении „Миф о Сизифе“ заостряет эту проблему до крайности: «Решить, достойна или не достойна жизнь того, чтобы ее прожить, - значит ответить на фундаментальный вопрос философии»¹¹.

Следовательно, мир — это все то, что „высвечивается“ в человеке и в то же время все то, в чем „высвечивается“ человек, то есть самореализуется. В целом все исследователи сходятся во мнении, что у каждого человека мир имеет свою архитектуру, созданную неповторимыми законами, авторскими проектами, имеет собственные координаты, свою пространственно-временную сетку. И в то же время любой индивидуальный мир несет в себе общечеловеческое содержание, воспроизводит эволюционный путь, который прошли семья, нация, культура, концентрирует приобретенный опыт и нереализованные потенции. Со временем интерпретация мира видоизменяется, иногда кардинально, чаще - незаметно, эволюционно. Человек проектирует свой мир, обременяя реальность собственными нерешенными проблемами, кризисными состояниями.

Философское осмысление мира и человека позволяет сделать вывод, что мир - во-первых, это все существующее, что есть в мире. Во-вторых, бытие существующего, которое может выступать в неких определенных группах (мир математики, мир искусства и др.). В-третьих, все то, где существует, живет человек (общественный мир, ближайшая повседневная среда). Человек – это субъект и исторический результат развития культуры. Это существо, способное к труду, социально и культурно обусловленного потреблением и общением с другими людьми, сознательной деятельностью. Оно немислимо без общества - к реальности его существования причастно не только оно само как что-то скончаемое, но и вся история человечества. Человек не мыслим вне его биологической, психофизиологической организации, вне Космоса, влияние которого чувствует постоянно. Человеческое бытие - это многогранная деятельность ради цели и смысла жизни. Поэтому смысл жизни следует понимать не как однозначную цель или ценность в бытии человека, а как процесс личностного развития, последовательного изменения целей и ценностей жизни. На наш взгляд, философская концепция мира и человека объединяет мир как объективную реальность с миром человеческого духа. Ученые справедливо отмечают «невозможность размежевать формы бытия в реальном жизненном потоке»¹².

Внимание литературоведов к проблеме художественной концепции мира и человека в нем чрезвычайное (А. Бочаров, Л. Буева, Г. Жулинский, Л. Киракосян, Л. Коган, П. Кононенко, И. Куницын, С. Ломинадзе, В. Марко, Я. Машарова, С. Пролетов, В. Щербина, Л. Шевченко, Н. Шляхова). В словаре «Эстетика» (под редакцией О. Беляева) понятие «художественная концепция» определяется как

---

¹¹ Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. Яковлева А. А. - М.: Политиздат, 1990. - С.222-318., С.223.

¹² Філософія: Підруч. / Г. Заїченко, В. Саратовський, І. Кальний та ін.; За ред. Г. Заїченката ін. - К.: Вища школа, 1995. -455с., С.189.

«образная интерпретация жизни, ее проблем в произведениях искусства, конкретная идейно-эстетическая направленность отдельного произведения, и всего творчества»¹³. Именно из этих позиций выходит С.Шаталов, который, анализируя художественный мир в произведениях И. Тургенева, обобщает: «художественный мир - это особенная модель действительности, созданная писателем с помощью словесно-языковых средств и которая базируется на достигнутых на данный момент знаниях о внешней и внутренней жизни человека»¹⁴.

Общеизвестно, что концепция мира и человека является как бы индикатором творческого метода, главным компонентом эстетического кредо художника. «Человек и мир, личность и общество, человеческая индивидуальность и историческое время – это вопросы, обращение к которым имеет кардинальное значение для понимания творчества художника, так как они являются художественной концепцией мира. В особенностях этих концепций лежит ключ к пониманию граней между разными творческими направлениями и методами, путь ко всем типологическим обобщениям»¹⁵. Д.Лихачев подчеркивает, что понятие художественная концепция мира и человека сложилось на основе системного подхода к литературе и еще не имеет однозначной трактовки, но его суть уже четко определилась. Оно (понятие) предусматривает, что «исследователь, осмысляя произведение, имеет дело с особенной системой изображенных в слове превращенных реалий бытия (время, пространство, природа, социально-исторические обстоятельства, типы общественного поведения и т.п.) и тех идеологических категорий, которыми обусловлено художественное восприятие писателя (эстетические и моральные представления, взгляды на человека, общество, народ, историю)»¹⁶. При этом ученый считает, что художественный мир не является зеркальным отображением действительности не только потому, что словесный образ это достаточно специфическое ее отображение, а прежде всего потому, что она, обретая в творчестве писателя свой образ, сама преобразуется, преломляется в его сознании через призму идейно-моральных взглядов. Одновременно Д.Лихачев отмечает, что эта связь непосредственно находит свое выражение в литературном образе человека. В монографии «Человек в литературе Древней Руси» он акцентирует внимание на том, что: «Человек всегда является центральным объектом литературного творчества. В соотношении с

---

¹³ Эстетика: Словарь / Под общ. ред. А. А. Беляева и др. - М.: Политиздат, 1989.-447с.,С.159.

¹⁴ Шаталов С. Художественный мир И. С. Тургенева. - М.: Наука, 1979.-312с., С.17.

¹⁵ Ткачук М.П. Естетична концепція людини в „Енеїді" Івана Котляревського. - К.: Вища школа, 1995. - 56с., С.4.

¹⁶ Лихачев Д. Поэтика древнерусской литературы. - Л.: Наука, 1967. -372с., С.64.

изображением человека находится и все другое: не только изображение социальной действительности, быта, но и природы, исторической изменчивости мира»¹⁷.

Исследуя творчество древнерусских художников, Д.Лихачев делает вывод, что художник не стремится создать в своих произведениях иллюзию действительности. Он изображает ее суть, ее «содержание», иногда сокровенное, и при этом, так, как он ее понимает. По его мнению, художественные способы литературы – это изобразительно-выразительные способы: с их помощью исполняется особенное единение изображаемого внешнего мира, общественной жизни с внутренним миром художника. Этот тезис разделяет Л. Киракосян которая говорит: „Концепцию человека и мира писатель воплощает в глубоких жизненных характерах, в сконцентрированном изображенном быту, что поднимается к уровню быта в остром, напряженном, натянутом, как тетива, философски насыщенном диалоге, в каждом элементе многослойной художественной ткани произведения”¹⁸. Она также считает, что в художественной концепции сфокусированы характеры в их объективной обусловленности и многообразии связей с миром, в диалектике развития личности и общества, в социальном анализе явлений действительности и др. При этом она отмечает, что если общая эстетическая концепция является идеалом личности, то конкретно-художественная — новаторским синтезом героя в определенной художественной структуре, фактом индивидуального самовыражения художника.

По мнению Ф. Федорова, художественный образ мира является авторской концепцией, авторской моделью мира, где человек - структурообразующий и идеологический центр духовной жизни. Поведение, вся система его (человека) действий и поступков, его материальная практика, все его физиологические и психические акты, вся его умственная деятельность и его чувство в художественном мире получают духовную ориентацию, становятся свидетельством духовного уровня, духовного потенциала мира. «Все компоненты художественного мира (общественное, историческое бытие, природа, мир вещей и т.д.), - с точки зрения этого литературоведа, - выполняют служебные функции по отношению к персонажу, предназначенные, прежде всего для выявления его сущности”¹⁹.

Художественный мир, как правило, многоликий, и все персонажи его, от центральных до „второстепенных”, от „действующих” до упомянутых взаимосвязаны, все они взаимодействуют друг с другом, друг друга объясняют и корректируют. В художественном мире персонажи существуют не сами по себе, а в системе. В нем отсутствует случайное, а каждый его компонент и, прежде всего человек, является носителем определенных закономерностей и аргументом в

---

¹⁷ Лихачев Д. Человек в литературе Древней Руси. - М.: Наука, 1970. -180с.,С.3.

¹⁸ Киракосян Л. Концепция личности и герой литературы. - Ереван: Совет. гр., 1982.- 104с.

¹⁹ Федоров Ф. Человек в романтической литературе: Учебн. пособ. - Рига: Знание, 1981. – 118 с., С.3.

построении авторской идеи. В связи с этим концепция мира в художественном произведении органически соотнесена с концепцией человека. Сосредоточиваясь на конкретных вопросах концепции мира и человека, в частности проблеме гуманизма, личности и общества, идеала художника, человека и времени, исследователи справедливо отмечают, что художественная концепция мира и человека является промежуточным звеном между действительностью и произведением. Так, А.Бочаров подчеркивает, что „характер литературы определяется не непосредственно социальной действительностью, а художественной концепцией, за которой превращается реальный мир”²⁰.

Концепция мира и человека, по убеждению многих теоретиков, не сводится к систематизации и воссозданию качеств человека. В ее основе лежат представления художника обо всем, что составляет и окружает человека: что такое человек, его существование, каковы его отношения с миром, обществом, что такое свобода человека, каково его будущее и какова его связь с историей. Поэтому закономерно, что изображение в литературе общества и тех процессов, которые в нем происходят, сливается с изображением человека.

Следует отметить, что термины концепция мира и концепция человека еще не упрочились в литературоведении, а исследователи не столько полемизируют между собой в их трактовке, сколько дополняют друг друга. Именно из-за этого большинство литературоведов оперирует понятиями концепция человека и концепция личности, временами их разделяя, а временами отождествляя. С. Петров на этот счет говорит, что «философское понятие человека шире понятия личности. Но литература, прежде всего, имеет дело с личностью как с человеческой индивидуальностью и как с членом общества, и судьба человека в художественном произведении всегда выступает во взаимоотношениях личности и общества»²¹.

В сущности, этой же мысли, относительно образа человека как личности, придерживается Д.Марков, считая, что „критерий оценки художественных явлений - это, прежде всего выраженная в них концепция личности. С ней связано все: характер конфликтов, развитие сюжета и, наверное, вообще вся система образности". Продолжая этот тезис, он употребляет вместо определения личность - человек, то есть отождествляет их: "Концепция человека - это тот центр, откуда выходят и куда сходятся все другие элементы произведения"²². Ю. Андреев понимает концепцию человека как «представления писателя о том, каким должен

---

²⁰ Бочаров А. Требовательная любовь: Концепция личности в современной советской прозе. — М.: Худож. лит., 1977. — 364с., С.10.

²¹ Петров С. Проблема человека и литература социалистического реализма // Концепция человека в эстетике социалистического реализма. - М., 1977.-С.5-31., С.19.

²² Марков Д. Социалистический реализм - новая эстетическая система //Вопросы литературы. - 1975. - № 2. - с.4.

быть человек, для чего человек живет, в чем счастье человека»²³, И. Науменко - как духовное лицо человека. Но все исследователи проявляют единство в определении функциональности концепции человека в художественном произведении.

Так, В. Щербина считает, что концепция человека является движущей силой искусства, внутренней сущностью художественного образа и содержание ее составляет „совокупность принципов художественного изображения человека, взглядов на его настоящее и будущее, духовное, интеллектуальное и эмоциональное содержание и жизненные цели, место в обществе, отношения с другими людьми”²⁴. То есть, говоря словами писателя О.Гончара, „...Концепция человека подсказывает художнику и его замысел, и систему образов, и тональность, и архитектуру произведения, и на весь его стиль накладывает свой знак”²⁵.

М.Жулинский рассматривает художественную концепцию человека как „определенную систему исторически-конкретных моральных и духовно-эстетических ценностей жизни, которые наиболее адекватно отвечают закономерностям общественного и духовного прогресса, потребностям гармоничного и всестороннего развития личности и выступает своеобразным эстетическим критерием реальной значимости человеческой жизнедеятельности”²⁶. При этом он отмечает, что это категория подвижная, которая постоянно изменяется и пополняется. К. Фролова анализируя творчество Олеса Гончара, приходит к выводу, что концепция человека у любого художника это главная его художественная позиция. "Ради утверждения определенного идеала человека с определенным взглядом на мир осуществляется художественное творчество как постоянный поиск необходимых человечеству моральных истин, разных в каждые исторические сутки, в каждом обществе, у каждого художника”²⁷.

Ф. Федоров, рассматривая образ человека в литературе, утверждает, что концепция человека декларируется художником не через тот или иной персонаж, а через систему персонажей; каждый персонаж имеет строго обозначенную функцию в построении художественной концепции человека, что и делает его компонентом системы, а все персонажи, функционально друг с другом связанные, образуют

---

²³ Андреев Ю. Концепция человека в современной литературе // Советская литература и новый человек: Сб. статей / Под ред. Ковалева В. и Тимофеевой В.-Л.: Наука, 1967.- С.24-40., С.24.

²⁴ Щербина В. Наш современник. Концепция человека в литературе XX столетия. — М.: Совет. читатель, 1964. - 571с., С.3.

²⁵ Гончар О. Українське радянське літературознавство напередодні великого п'ятдесятиріччя // Літературна Україна. - 1966. – 17 листопада. - С.3-4.

²⁶ Жулинский Н. Человек в литературе. Общественные ценности и проблемы художественного характера. - К.: Наукова думка, 1981. - 104с.

²⁷ Фролова К. Концепція людини у творчості Олеса Гончара // Таїни художнього тексту (до проблеми поетики тексту): 36. наук, праць. - Вип.4. -Д.: РВВ ДНУ, 2004. - С.68-72., С.68.

систему. «Через многочисленные персонажи художник демонстрирует многообразие этических и других качеств или разнообразие человеческих характеров, через их столкновение обнаруживает их сущность. С помощью многочисленных персонажей художник строит модель человека своего времени; благодаря взаимодействию персонажей, их сопоставлению и противопоставлению проявляется уровень осмысления, самооценки человечества»²⁸.

Все исследователи вполне справедливо связывают художественную концепцию мира и человека в нем или ее компоненты с инновациями художника. По их мнению, творческую концепцию действительности, образное ее представление талантливый писатель не получает в готовом виде, иначе он не был бы творцом оригинальных художественных обобщений, значительных эстетических ценностей, а обычным последователем, ремесленником. Концепция возникает у писателя в процессе творчества, но она и существует в том обществе, в котором живет писатель и взгляды которого он сознательно или бессознательно принимает. Еще раз обратимся к Ф. Федорову, который заключает: „концепция человека, созданная художником, является продуктом исторической эпохи, продуктом сознания этой эпохи и одновременно продуктом индивидуальной, авторской сознательности”²⁹.

Ю.Борев в связи с этим говорит, что „великий художник в своем творчестве всегда опирается на определенную идеологию, но при этом дает самостоятельный анализ мира и вносит в духовную жизнь человечества свою неповторимую концепцию личности и общества. Эта концепция, находясь в глубокой связи с философскими, политическими представлениями художника о мире, имеет не иллюстративное по отношению к ним значение, а значение самостоятельного поиска, что позволяет дать новую образную информацию о действительности”³⁰. Одновременно ученый добавляет, что единственной концепции в искусстве не может быть из-за неодинаковых эстетических мировоззренческих основ. „Многообразие художественных миров - рассуждает В. Мизецкая - лишь обогащает нас, позволяет в нашем восприятии мира найти новые грани и неизвестные области, И внимательнее взглянуть на то, что кажется очевидным, а в действительности скрывает в себе еще много неразгаданного и

---

²⁸ Федоров Ф. Человек в романтической литературе: Учебн. пособ. - Рига: Знание, 1981. –

118 с., С.3.

²⁹ Федоров Ф. Человек в романтической литературе: Учебн. пособ. - Рига: Знание, 1981. –

118 с., С13-14..

³⁰ Борев Ю. Художественные направления искусства XX века и концепция личности // Концепция личности в литературе развитого социализма: Сб. статей. - М.: АМ СССР, 1980.

- С.28-30.

необъяснимого"³¹. По ее мнению художественная картина мира в последнее время значительно расширилась. В поле зрения литературы чаще всего попадает не просто человек, который осуществляет конкретные поступки, предопределяющие движение сюжета, но и его внутренний мир. «В XX веке художественная картина мира стала охватывать самые разные явления физиологического и психологического характера, находя новые приемы и способы для всестороннего показа жизни отдельного человека и всего общества»³².

Среди разнообразия литературоведческих толкований понятия „художественная концепция мира и человека в нем“ отметим такое, которое ближе нам в трактовке этого феномена, в положении, развернутом в монографии В. Марко «Основа творчих шукань: Художня концепція людини в сучасній українській літературі». В. Марко утверждает: „Художественная концепция человека - важная эстетическая и методологическая категория, которая включает как принципы и способы отображения персонажей, так и систему социально-художественных взглядов художника (или группы художников) на человека, оценку его деятельности из позиций определенного идеала, чем преимущественно предопределяется выбор героя и обстоятельств, в которых он действует“³³. Анализируя состояние изучения авторской концепции человека в литературоведении и критике, он выделяет три направления понимания ее сумм (как общественно-философской категории, как системы ценностных ориентаций, как эстетической категории), отмечая, что каждое направление имеет свою, отличную от других конечную цель. По его мнению, художественная концепция человека аккумулирует в себе эстетический идеал, восприятие художником социальных и биологических признаков человека и его отношения к персонажам, выбор им героев, принципов и способов их изображения; идейно-эстетические аспекты - человек и природа, человек и общество, человек и время и тому подобное, в которых он оказывается и реализуется; выделяются источники, которые влияют на его формирование - общественно-философские, литературно-эстетические, семейно-бытовые и т.д. Таким образом, В. Марко выделяет четыре составляющих части художественной концепции человека - идеал; взгляды художника на человека и отношения к персонажам; выбор героев; своеобразие художественного отображения³⁴.

---

³¹ Мизецкая В. Художественная картина мира и ее модификации // Иноземна філологія на межі тисячоліть: Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна. - Х.: Константа, 2000. - С. 171 - 179., С.174.

³² Там же.

³³ Марко В. Основа творчих шукань. Художня концепція людини в сучасній українській літературі. - К.: Вища школа, 1987. - 165с., С.12.

³⁴ Марко В. Основа творчих шукань. Художня концепція людини в сучасній українській літературі. - К.: Вища школа, 1987. - 165с., С.14.

Опираясь на вышеприведенные теоретические аспекты, попробуем в дипломной работе не только определить содержание, средства и способы реализации художественной концепции мира и человека в творчестве И.Богачинской, но и выяснить ее (концепции) связь мировоззрением и жизнью писательницы и жизнью современного ей общества. В связи с тем, что значительную часть творческого наследия писательницы составляют поэтические произведения, выходя из специфики выражения сознания поэта в поэзии, необходимо определить содержание такого понятия как лирический герой.

Специфика лирики заключается в том, что художественная концепция мира проявляется через выражение „я“ лирического героя в его отношении к вещам, к миру и людям. Человек и мир присутствуют в лирике не только как автор и не только как объект изображения, но и как субъект.

Отображение концепции мира и человека в лирике тесно связано с проблемой авторского сознания, которое предопределяет художественный образ, его взаимозависимость с авторской позицией и в конечном итоге является проявлением творческой индивидуальности художника. Для обозначения образа автора в лирике употребляют понятие лирический герой, хотя и сегодня существуют разногласия в его интерпретации. Его содержание зависит от соотношения в лирике автора и субъекта, которое является одним из проблемных в произведениях этого рода литературы. Это объясняется сложностью разграничения автора и героя в лирике: на первый взгляд кажется, будто автор сливается с героем, или наоборот, нет героя, есть только автор. В науке, начиная от Платона и Аристотеля до XIX ст. существовало наивно-реалистическое утверждение, согласно с которым лирическое произведение является непосредственным выражением лирического „я“, а, следовательно, более-менее автобиографично автору.

Категории автора и субъекта лирики теоретически были обоснованы в начале 20-х годов XX века представителями формальной школы литературоведения (в частности Б.Томашевским и Ю.Тыняновым, который в 1921 году в статье „Блок“ впервые употребил термин „лирический герой“, впоследствии укоренившийся в литературоведении и критике), и почти одновременно русским поэтом А.Белым. Наиболее дифференцированное описание этих категорий имеется в работах Б.Кормана, который выделил такие дефиниции как автор-рассказчик, собственно автор, лирический герой и герой ролевой лирики. С. Бройман дополняет этот ряд понятием лирическое «я», которое, по его мнению, не тождественно понятию лирический герой, и занимает промежуточное место между лирическим героем и собственно автором. По мнению литературоведа, именно в стихотворениях, где личность рассказчика прямо не определена, где она является лишь голосом, создается иллюзия отсутствия разделения рассказчика на автора и героя, а сам автор растворяется в своем сознании, как Бог в творении.

В противовес автору-рассказчику, собственно автор имеет грамматически выраженную личную форму в тексте „я“ или „мы“, которым и принадлежит речь. Стихотворения с собственно автором очень часто невозможно отмежевать от стихотворений, в которых имеется другая форма проявления авторского сознания - лирическое „я“. Критерием их выделения, по Б.Корману, есть степень акцентированности и активности прямой оценочной позиции. О лирическом „я“

можно говорить тогда, когда носитель языка становится «субъектом в себе», самостоятельным образом, который отделяется при наличии автора-рассказчика и собственно автора. Лирический герой отличается от предварительно названных форм и тем, что он есть не только «субъектом в себе», но и «субъектом для себя», то есть он является "своей личной темой, а тому более четко, чем лирическое „я“, отделяется от первичного автора и максимально приближается к автору биографическому. Лирический герой - это и носитель сознания, и предмет изображения: он открыто стоит между читателем и изображаемым миром и обычно воспринимается как образ самого поэта - реально существующего человека³⁵.

Этот тезис выдвигает и М.Бахтин, который справедливо отмечает, что в лирике, в отличие от эпоса и драмы, нет «четких и существенных границ героя, а, следовательно, и принципиальных границ между автором и героем»³⁶. Такой мысли придерживается и Л.Гинзбург, которая в своем труде „О лирике" подчеркивает, что лирический герой не существует лишь в отдельном стихотворении, он фокусирует в себе единство если не всего творчества, то периода, цикла, тематического комплекса. При этом исследовательница акцентирует, что «в настоящей лирике всегда присутствует лицо поэта, но говорить о лирическом герое есть смысл тогда, когда последний связывается определенными постоянными чертами - биографическими, психологическими, сюжетными»³⁷. В таком случае аналогом лирического героя в прозе есть рассказчик, который одновременно выступает и главным героем целой группы произведений, соединенных его личностью.

Утверждение Л. Гинзбург близко и литературоведу Л. Тодорову. Соотнося понятие лирический герой - лирическое „я" - образ автора в лирике, он обращает внимание, что эти понятия условны, так как охватывают круг произведений поэта, на основе которых возникает целостное представление о творчестве последнего. По убеждению Л.Тодорова, образ лирического героя не следует прямолинейно воспринимать как личность автора, хотя между творчеством поэта и его жизненно-эстетической позицией существует единство. Соответственно не следует истолковывать переживания лирического героя как мысли и чувства самого поэта. Лирика предусматривает монологическое самовыражение «я», но при этом за автором остается право разрешать, хочет он сделать лирический язык выражением своего собственного непосредственного „я" или вложить это «я» в уста определенной фигуры³⁸. В основном с мнениями Г.Бахтина, Л.Гинзбург, Л.Тодорова соглашаются и современные литературоведы В.Хализев, И. Роднянская, В.Назарец и другие, но предлагая и собственное видение. В частности, В.Хализев выделяет лишь „лирического героя" и „героя ролевой лирики", считая

---

³⁵ Корман Б. Литературоведческие термины по проблеме автора// Проблемы истории критики и поэтики реализма. - Куйбышев: КГУ, 1981. -С.39-54.

³⁶ Бахтин М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. Эстетика словесного творчества.- М. : Искусство, 1979., С.118.

³⁷ Гинзбург Л. О лирике.- М.-Л.: Совет писатель, 1964.,с.155.

³⁸ Тодоров Л. Лирический герой //Словарь литературоведческих терминов /Ред.-сост. Л.И.Тимофеев, СВ. Тураев. - М.: 1974. - С.177-178.

тождественными словосочетание „лирический герой" „лирический субъект" и „лирическое я"³⁹. Таково мнение и И.Роднянской, которая утверждает, что лирический герой — художественный «двойник» поэта. Он предстает в лирическом тексте как четко очерченная фигура или жизненная роль, как фигура, которая имеет индивидуальную судьбу, внутренний мир, а иногда и черты внешности.

Следовательно, по убеждению многих теоретиков, в основе концепции мира и человека лежат представления художника обо всем, что составляет и окружает человека: человек, его существование, его отношения с миром, обществом; свобода человека, его будущее; связь человека с историей. Поэтому закономерно, что изображение в литературе общества и тех процессов, которые в нем происходят, сливается с изображением человека. Более органичным нам кажется положение В. Марка о том, что художественная концепция человека аккумулирует в себе эстетический идеал, который включает в себя восприятие художником социальных и биологических признаков человека и его отношение к персонажам, выбор им героев, принципов и способов их изображения. Художественная концепция включает в себя идейно-эстетические аспекты, раскрывающиеся в отношениях человека с природой, обществом и временем, в которых он оказывается и реализуется. Выделяет источники, влияющие на формирование человека (общественно-философские, литературно-эстетические, семейно-бытовые и т.д.).

Анализируя поэтические произведения, ввиду специфики выражения сознания поэта в поэзии, опираясь на определение В.Хализева, для обозначения образа автора будем употреблять термин „лирический герой".

В современном литературоведении трактовку концепции мира и человека интенсивно углубляют смежные гуманитарные науки, расширяя систему общих знаний, ценностей, убеждений, практических установок, которые регулируют отношение человека к другому человеку, к миру и которые рассматриваются во взаимоотношенности. Понятие «художественная концепция мира и человека» требует системного подхода к художественному произведению, выяснению отображаемых в слове преобразованных реалий бытия. Время, пространство, природа, социально-исторические обстоятельства, типы общественного поведения, этические и моральные представления, взгляды на человека, общество и народ синтезируются и в художественной литературе благодаря возросшим знаниям современной психологии, философии, физики, химии и в целом интеграции научного мышления. В лирической структуре текста приобретает особое значение образ лирического героя, особенности его воссоздания в связи с видением мира.

Учитывая необходимые теоретические положения о человеке, личности, мире, лирическом герое обратимся к интерпретации содержания и поэтики творчества И.Богачинской.

---

³⁹ Хализев В. Лирика //Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. пособие / Л. Чернец, В. Хализев, С. Бройман и др. /Под ред. Л. Чернец. - М.: Высшая школа; Академия, 1999- С.46, 111-141.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АНТРОПОКОСМИЗМ МИРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ И.БОГАЧИНСКОЙ

Пути художественного воплощения авторского замысла не зависимо от родов и жанров литературы всегда сложны, непрямолинейны и тем больший вызывают интерес. Рассмотрение концепции человека и мира произведений Инны Богачинской приводит к конкретизации определенных свойств этой категории в контексте замыслов, наблюдений над автономностью лирических персонажей, спецификой образной структуры речи, описаний и выделения автором характерных штрихов. Эта концепция у Богачинской представляет собой систему идей, раскрывающуюся в тесных взаимоотношениях человека и мира, сохраняющую свою определенность в конкретном времени и в связях с обществом, Вселенной, на лучших традициях бытия.

Богачинская – поэт, развивающийся в динамике времени. Продолжая дорогие для нее традиции Маяковского и открытую направленность литературы общественной «оттепели», она громко говорит о новых конфликтах и противоречиях. Примечательно, ее бунтарское несогласие с антигуманистическими тенденциями тоталитарного давления или просто рутинной обывательщины передается в ритмах стихов, схожих не только с «лестничной строкой» русского классика XX века, но и с обновляемой поэтикой Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, Эдуарда Межелайтиса, Джансуга Чарквиани и других поэтов этого бурного периода творческих исканий.

Типологическую общность на концептуально новом мировидении, на гуманистически углубленном понимании назначения человека, роли личности в историческом процессе совершенствования цивилизации усиливают непосредственные контакты с такими уже вышеназванными поэтами как Бэла Ахмадулина и Андрей Дементьев. С именем же Андрея Вознесенского вообще связано начало и имени Богачинской. Она сама высказывает мысль, что он оказал на нее «поэтическое становление такое же сногшибательное влияние, как когда-то на него самого оказал Пастернак»⁴⁰.

Влияние любого мастера слова на другого проявляется не в копировании и даже не в прямом следовании его принципам, которые у талантливого писателя трансформируются по-своему, а прежде всего в идейно-эстетических установках, в чувстве времени. Середина XX века, - и шестидесятники это открыли, - продиктовала более грандиозную масштабность восприятия мира и необходимость овладевать новыми формами слова.

Хронотоп Богачинской, как у всех поэтов-эмигрантов, не всегда располагает исследователей к линейно-последовательному рассмотрению творческого пути, а потому и – эволюции концепции мира и человека в конкретном случае, что потребует большего объема анализа. К тому же, эта концепция у автора

---

⁴⁰ И. Богачинская. «Так что же есть истина?!» (разговор с Андреем Вознесенским) / Люди слова., 12 – 14 ноября, 1999.

от «СТИХиЯ» и до «Перевода с космического» сохраняет свои основные черты в нравственно-этическом максимализме и гражданском пафосе. А ностальгические ретроспективные штрихи в поэзии Богачинской, несмотря на нескрываемый драматизм судьбы и неизбежную любовь к оставленным родным пространствам (Москва – Одесса), звучат с удивительно покоряющей корректностью. Доминанта же – всегда высочайшая требовательность в первую очередь к себе:

Расскажи, наконец, почему и о чем тебе плачется?

Ты сама – то не знаешь, наверное, кто виноват .

Автор стремится вдуматься в происходящее.

Разверни свою жизнь. Разверни.

Она попросту скомкана.

Сбереги. Не сжигай ее так бесполезно дотла .

Но в то же время лирический субъект невозмутимо и прямо высказывается от лица своего поколения, не желая не считаться с факторами многих бедствий:

Мы – поколение выставок,
Раздавленных бульдозером.

Мы - поколение высланных,

Разъятых, травимых, задолбленных .

И снова – обобщение, которое доносит императив поэта: личную ответственность за жизнь.

Мы крадем у себя, а ругаем грабителей.

Нашу сущность и суетность комплекс сковал .

В поэзии Богачинской постоянно перемежаются мотивы драматизма и трагизма, доходящие до предельных реалий в художественно-образных системах (детали, обобщения, ссылки на факты, метафоры), но в контексте всех ее циклов, сборников и, пока еще не изданных отдельной книгой, стихов, прозвучавших со страниц газет,- неизменно присутствует надежда, призыв к преодолению. Ее лирический герой твердо верит в свои силы, в свое слово, в свою инициативу. Он проявляет свою сущность в активном поиске и решительной борьбе, обладает волей «изживать фабулизм жизни»⁴¹, то есть склонен бороться, достигать, побеждать. Он чувствует свою исключительность и энергию, способность реализовать себя ради служения народу, обществу, человечеству; он воплощает в себе устремленность к новому, часто является динамическим, будоражащим началом человеческого мира. Этому образу присущи: безграничная любовь к миру, к жизни, стремление к одухотворенности и состраданию, эмоциональный протест.

Стихотворение «Сначала действительно очень остро...» по нескольким факторам (по семантике текста, субъектам действия, особенностям фонетики) условно делится на две части. В первом четверостишии субъектом действия является лирическое «я», некий авторский образ личности. Начальное повторение (анафора) в последних двух строчках «я от себя» и «я в себе» - указывает на внутренний мир личности. Весь остальной блок слов и словосочетаний в первой части стихотворения характеризуют, описывают это лирическое «я», его мысли и чувства, отстранение от себя:

---

⁴¹ Бахтин М.М. «Эстетика словесного творчества», М., 1979, с. 138.

Я от себя
    ухожу к звездам.
Я в себе
    растворяю небо .

Во второй части произведения субъектом являются «звезды». Эта художественная деталь, которая часто повторяется во многих стихотворениях. Под этим понятием скрывается нечто возвышенное, высокодуховное, которое дает возможность подняться над собой, своей приземленностью, которое помогает понять и раскрыть никчемность и пустоту многих человеческих переживаний, суетность чувств. Лирическая героиня стремится подняться до высоты звезд и тем самым ощутить непосредственно экзистенцию бытия.

А звезды мне
    раскрывают никчемность
Всех моих бурь
    и трагедий «крупных» .

Эмоциональная атмосфера стихотворения от первой строки к последней изменяется качественно. От напряженно-возбужденного состояния - к духовному спокойствию. Прочувствовать это помогает фоника первой и второй части стихотворения. Первая часть изобилует звуками «р», «ж», «к», «о», что насыщает стихотворение резкими, решительными, отрывистыми ассоциациями.

Сначала,
    действительно,
                                очень остро.
В горле
    зажавши
                                комок
                                свирепо .

Во второй же части преобладают мягкие тона, которые достигаются звуками «м», «н», «е», сочетаниями «я», «ие».

И звезды меня
    возвращают на Землю,
Оставляя стремление
    к недоступному .

«Звезды» помогают отбросить все мелочное, незначительное и недостойное переживаний, устремиться к некой высшей цели.

Необратимые перемены на рубеже нового тысячелетия Богачинская остро переживает в связи с утратами духовных ценностей, примитивности интересов и обмельчании чувств. Лирический герой, созданный ею, с болью отзывается на тему отчуждения людей, разделенности человеческих душ: «...Отчужденье. Разрывы, И рознь меж детьми и отцами»; следование чужим правилам и запретам сковывает людей, под давлением условностей превращает их в рабов эпохи; трагическое неблагополучие нашего времени делает одиноким многих: «... на этой космической станции каждый из нас - ошалело один» .

В стихотворении «Продаешь свое тело, пока еще есть покупатели...» лирическая героиня обращается к тому, кто тратит свою жизнь напрасно, не

понимая ее ценности, губит жизнь, кто гонится «за дешевым теплом», теряя более ценное. Лирическая героиня страдает от того, что такие люди не видят, не замечают своего бессмысленного мученичества, которому сопутствует ломка не только их судеб, но и ломка их души, - это люди смятенные и растерянные, не сумевшие устоять перед лицом испытаний, сохранить и проявить твердость духа.

Анафора первых трех строк произведения акцентирует внимание на момент продажи. В риторическом вопросе противопоставляется: «Продаешь или тратишь?». А в следующей строке утверждается именно растрата себя на пустяки. И, как результат продажи, во-первых, - нет ничего, что могло бы согреть физически или духовно.

А в озябшей квартире - ни дров,
и ни детского платица.

Во-вторых, - абсолютное одиночество, тупо бьющее на сознание, подавляющее его и уничтожающее чувство жизни и надежды.

А в пустынной квартире стучит тишина, как набат...

Одиночество, которое поглощает человека и приводит к опустошению, Богачинская неоднократно, в различных вариантах, в том числе и эссе, тоже осмысляет как проявление пассивности, хотя оно обусловлено объективными причинами. «Ты - одна. И уже не надеешься ты на спасение». Утрата своей действительности и воли влечет за собой обезличивание судьбы: «Потеряла себя за продажами, ценами, куплями...».

Поэтому все произведение оказывается глубоко проникнутым эмоцией сострадания и призывом к покаянию, которое просветляет, дает возможность взглянуть «внутри» себя, почувствовать и обрести себя. Трагизм стихотворения связан с представлением о невозможной утрате человеческих ценностей и одновременно с верой в человека, который, обладая мужеством, может остаться верным себе даже перед лицом неминуемого поражения.

Чувство грусти передается не просто в обычном понимании этого слова в стихотворении «Эта грусть - состоянье особое...», здесь ему дается иное, необычное толкование. Это некое непреходящее переживание, энергия души, та трогательная восторженность и умиление, которые необходимы для жизни. «Эта грусть чуть горька и» одновременно «чуть сладка на вкус». А также:

Вся из ниточек соткана
Эта необъяснимая грусть.

Чувство вбирает в себя некое слияние противоположного, некий контрапункт, потому лирической героине органична музыкальная ассоциация: «Просто - скорость, и просто мелодия, И весны набежавший угар...».

Это главное, «ну а все остальное приложится...». Эта грусть неизбежно проявляется при погружении в реальность, в углубляющуюся для лирической героини действительность: «от желаний выстрадать все чем жизнь голодна и щедр...».

Ощутить себя человеком – это главное, значит быть живой частицей Вселенной, способной: «услышать дыхание космоса», чтобы:

Все несбыточное исполнилось

В чьей-то близкой и дальней судьбе.

Мир как динамическая сущность в различных вариантах предстает в произведениях Богачинской. Жизнь обозначается словами: «галактики движенье», «миг, однажды выданный судьбою». Представление о жизни как о ритмичном движении, полном противоречий: «ту сладость, горьковатую на вкус». Обязательным является стремление к совершенству: «и тот соблазн – подняться над собой».

Образ лирического героя в этом произведении наделен эмоциональной отчетливостью своего внутреннего мира, отсюда вырисовывается его психологическая индивидуальность.

Человек в поэзии Богачинской неразрывно связан с этим образом жизни, он живет в его темпе. Он ощущает себя бушующей смесью, полной перемен, яркости красок, восторженности, насыщенности и густоты чувств, как бурлящий водоворот настроений.

Во мне - оркестра звездного смятенье.

Во мне – цыган кочующий поток.

И вечера хмельные светотени.

И град, и ливень, и по венам ток.

Дар жизни поэт противопоставляет утилитарности земного обывательского сознания, которое разрушает ее полноту. Столкновение личности и бездарности – конфликт всеобъемлющий, но когда власть принадлежит посредственности - бедствие неизбежно. Ничтожные, прикрывающиеся притязаниями на содержательность и значимость, объявляют террор инакомыслию, преследуют и угнетают его: «Кто дал право безличностным всем вдруг на Личность накладывать вето?!». Герой Богачинской путь к свободе видит в защите человеком собственного достоинства:

За Вселенскую правду ратовать.

Вырваться из несвобод.

И при всяческой декорации

Оставаться только собой.

Космическое у Богачинской тесно соприкасается со всем, что совершается в мире. Человек должен возвышаться над «низменной прозой» повседневности, несмотря на несправедливость человеческого мира, продолжать в любых обстоятельствах сохранять призыв «сквозь тернии - к звездам», проповедовать идеи добра, гармонии и движения к вершинам духа. Гражданственность и масштабность видения мира определяет и пафос, и проблематику произведений Богачинской, которые не имеют ничего общего с упадничеством, с утверждением столь модного сегодня негативизма. Невзирая на красочность описываемых ею картин разгула человеческих страстей, автору категорически чуждо воспевание краха и гибельности мира. Так, многие стихи говорят о катастрофичности популярного сейчас образа жизни, ведущего к разрушению гармонии одной души со всем миром а, в конечном счете, гибели всего существующего. Проблема бездуховности остро волнует Богачинскую. Она видит признаки некроза души в жестокости войн, в жажде зрелищ, примитивности интересов и обмельчании чувств.

Этот век сам себя протаранил,

Этот век свой удел предрешил.
Этот век – клоунада на грани
Атрофии души...

Стихотворения доносят мысль о катастрофичности мира, идущего к своей гибели на узости людского мировоззрения, утилитарности земного обывательского сознания. Человек поэзии Богачинской предупреждает об опасности, зовет к пробуждению души.

Я хочу, чтобы мир стал
чуть-чуть человечней и чище,
Чтобы думалось в нем,
и дышалось, и пелось легко.

Стихи ее часто пронизывает боль: поэта тревожат заблуждения и ошибки людей, подмена духовных ценностей материальными, путаница приоритетов, равнодушие к экологическим опасностям в широком понимании. Ее предостережения обостряют чувство быстротечности бытия:

... Только миг нам судьбою дарован.
Только миг, как планета, крошечный.
Провороним - не будет второго.

В стихах Богачинской органично сливаются высокий тон гражданских устремлений и живая разговорная интонация. Обращения, вопросы, восклицания - интонационно-синтаксические особенности устной речи включаются в обличение пороков человечества, доносят необходимость активного и непримиримого противодействия.

На планете свирепствуют монстры,
Облаченные в облик людей.
Неужели мы так и не сможем
Этот волчий пресечь беспредел?

Стихи обращают внимание концентрированностью восприятия лирической героиней происходящего, уплотненностью наблюдений, что приводит к емкости, метафорической выразительности художественных обобщений. В огромном «человечьем комплексующем муравейнике» ей хочется видеть перемены к лучшему, она полагается на диалектику свершений в сонме противоречий и катаклизмов.

Загораясь неясным порывом,
Увлекаясь игрой перемен,
Наблюдаю неистовство срывов
И вершин, приходящих взамен.

Космический камертон в поэзии Богачинской тем чаще подает свои сигнальные отзвуки, чем больше буреносных ситуаций приходится переживать людям. Равновесие и гармония зависит от них, и лирическая героиня напоминает о законе причин и следствий, локализуя катастрофизм в картинах земного плана.

Стихотворение «Размышления о человеческом факторе в свете нечеловеческого акта (Памяти жертв 11 сентября)», написанное в состоянии ошеломления и тревоги за близких (Богачинская в этот момент находилась в Одессе) - некая веха, и на творческом пути поэтессы, и в сознании человечества.

Экспрессивная лексика ее стихов с тех пор становится интенсивнее, а события в мире лишь подтверждают размах зла:

Похоже, долго мир не будет прежним.
Все по кругам вращается своим.
Но только б выжить, только б быть надежде!
Тогда мы устоим!

Терроризм стал проблемой. Повторился «сентябрь» в 2004. Богачинская пишет «Бесланский реквием» о трагедии уже на Восточном полушарии. Пространство и время условно можно представить в слиянии, замыкающем землю, на которой лишь «Расширяется слезный поток». Ставший «символом боли», «синонимом мрака» Беслан как географическая реальность контрастирует с лирической героиней, до этого события уже воссозданной в своей открытости и родственности безмерному вселенскому существованию. Категория трагического, таким образом, привносит те качественные изменения в континуум автора, которые, объединяя большинство последующих стихов Богачинской, объясняют мотивы нарастающей тревоги, сострадания, протеста.

Ведь тревога всегда была у героини Богачинской, которая с первых своих стихов, стимулированных первыми импульсами влюбленности, переживаниями глубоко личными, очень скоро почувствовала себя не отделимой частицей мира, где нельзя быть равнодушным.

Так, не относясь по возрасту к «детям войны» Великой Отечественной, в условиях послевоенного социума, она приходит к твердому убеждению и высказывает его не раз в интервью: «любая война – это страшное зло»⁴².

Концепт «война» в поэзии Инны Богачинской столь разно реализуется, сколь семантически он весом и многозначен. Это – упоминание о войне у поэтессы в различных по теме эссе, в штриховой зарисовке эпохи в стихах от сборника к сборнику, в произведениях последнего десятилетия, которые иногда являются отголосками самой исторической ретроспективы. Например, «Памяти погибших подводников» о подлодке «Курск» в замысле предусматривает выход к исторической перспективе, когда человек станет подлинной ценностью:

На планете ни один из вождей
Не способен что-то толком ответить.
Мелют басни о престиже страны
И о мнимых рубежах и угрозах.

По поводу войны в ее политических переплетениях, до сих пор не освещенных противоречий уже призывали писатели всех национальных литератур «бить в набат» (Быков, Межелайтис, Гамзатов, Гончар, Исаев и др.), - в поэзии Богачинской этот колокольный аккорд повторяется в связи с перманентностью современных войн. Вьетнам, Афганистан, Чечня в неисчислимости иных горячих точек планеты находят у Богачинской не просто публицистически окрашенный пафос, но аналитически убедительные умозаключения:

У России – тело все в синяках.
На Америке - петля все фатальной

«Плач по падающим мальчикам» в трактовке поэта вызывает ассоциации с образом «слезы ребенка» (Достоевский), что влечет за собой недоумение, а за ним

---

⁴² Белая Н. Инна Богачинская: переводчица с космического// Метро.-2005, №56, с.56.

– связку нравственно-духовных императивов в оценке происходящего на высоте интеллекта современной цивилизации. В сегодняшних войнах «падают мальчики», «падают незрелых бутонов ряды», - эти факты Богачинская не оправдывает банальными оговорками «Лес рубят, щепки летят», «На войне, как на войне». Она делает иной вывод, хорошо зная динамическую причудливость вещей в жизни: «Жизнь – не пешка. Война – не игра!». Удивительно точно найдены образы в приближении к грустному, но логически осмысленному обобщению:

Было когда-то опасно в окопах
Ну, а сейчас, риск в театре – на страже.
Мы обретаем смертельнейший опыт.
Страшно!

Война и терроризм определяются у Богачинской в той речевой семантике («изувер», «беспредел в голове...» и др.), которая сближает события войн XX века и нынешнего положения планетарного сообщества, передвигая фактографическое время в художественное и тем самым, обостряя видение неотложных современных забот.

В поэзии звучит протест против муравьиного образа жизни, погруженности в рутину повседневных забот, мещанского образа жизни, без «витания в облаках», под давлением условностей, мелочных желаний и мнимых ценностей, где мир вещей обретает исключительную ценность. «Боже мой, со скуки умереть можно, когда слушаешь, что всерьез обсуждают люди: о том, кто что поел, что приобрел, кто на кого и как посмотрел и что сейчас модно. И, конечно, самая большая гордость – дом! Представляете, не они САМИ, неповторимые, меняющиеся, обладающие столькими возможностями для самосозидания и открытий, а ДОМ, в рабство к которому они добровольно себя отдают»⁴³.

И с годами становимся
Овеществленной и суше,
Чтоб потом окончательно
Одеревенелыми стать.

В нескольких строках вложена и тревога, и ясность осмысления факторов мировой дисгармонии, и дерзость вызова тем, кто превратил мир в «распластанный микроб» и, хотя «свихнулся лучший из миров», души остаются еще «пристанями печали». Надежда - в боли, ведь боль – это сигнал жизни.

Сегодня в новую главу
мы впишем старые мотивы,
что миром правят примитивы,
что души наши обнищали,
а души – пристани печали.
Что ложь и фальшь крадутся следом,
и за тобой, и за соседом.
Что мир – распастанный микроб.
Скули. Борись. Но волчья стая

---

⁴³Лазарева И. Всяк дом мне пуст, всяк храм мне чужд. Разговор с И. Богачинской // Эхо планеты, 28 июля – 3 августа 2001 г., Нью-Йорк.

тебя не выпустит из стада.
Свихнулся лучший из миров.

Мир конца двадцатого века предстает со страниц книг Инны Богачинской в бесконечных утратах и физического, и нравственного значения. В сущности, он приравнен к миру вещей, с ним обходятся небрежно, все расторгая дорогие человеческие связи и «обретая взамен нежилое пространство потери». «Мир, представленный на страницах «Перевода с космического», - это мир напряженных ожиданий, внутренних борений, внешних всплесков отрицательной энергии его обитателей, чей обывательский взгляд на вещи немигающее устремлен в пропасть. Этот мир мыслит себя глухо отделенным от космоса, не испытывающим никаких влияний извне и надежно забаррикадированным от метеоритных бомбежек. Но, увы! Это лишь иллюзия бытового сознания. На самом деле скорлупа уже треснула под тяжестью созревшего монстровидного человечества, и конфликт между ценностями, сформированными в пещерах его вождельней, и ценностями космоса подготавливает роковой удар»⁴⁴.

Любое формальное правительство, государство и, соответственно, противоречия социально-экономического строя – это факторы насилия над личностями, приходящими в этот мир для того, чтобы максимально познать себя и его, достичь оптимально высокой ступени развития своей души. Человек внутренне в стихах Богачинской не признает границ. По ее словам, самое страшное, когда жизнь уходит на смиренное следование чужим правилам и запретам. Любая граница – это рабство. Но ведь рабство противоречит природе человека. Он не для этого рожден.

Идейная направленность в произведениях Богачинской носит, в определенном смысле, общественный характер, мировоззренчески соотносительный с нашей современностью. Ее стихи сообщают о перипетиях человеческой жизни, отражая изгибы и напряжения судьбы своего создателя. Осуществляя анализ драматически-пестрой действительности, в поэзии видны пагубные плоды бездуховности, где люди, давно утратившие моральную ответственность за совершаемые действия, имеют власть и решают судьбу человечества. Эти самовлюбленные, напыщенные «всеведающие» прихлебатели жизни спекулируют на несчастьях других:

В драке чинов
подчиненным – бесчинства.

Так, дефицит гуманизма достигает трагического звучания в стихотворении «Слово о московской трагедии (Памяти жертв теракта в Москве)»

Разве способна
Сердечная мышца
Выдержать груз этой боли безмерной?
Ежится жизнь. Без руля и без смысла.
Гаснут глаза. Бойкотируют нервы.

Стихи Богачинской не раскрывают для нас новых истин и смыслов. Поэтический дух всего творчества дополнительно подтверждает общеизвестное, оживляет его, придает ему остроту и новую убедительность, напоминая людям о том, что, будучи привычным, само собой разумеющимся, оказалось полузабытым,

---

⁴⁴ В.Зубарева «Консилиум сфер», «Вечерний Нью-Йорк», 24 сентября 1999 г.

стертым в сознании. Ее творчество, воскрешая старые истины, дает им новую жизнь. Весь комплекс мыслей и чувств фокусируется в одном вопросе, который автор задает и тут же отвечает в эссе «Поговорим о странностях своих... (Перехваченные мысли)»: «На чем же все-таки держится этот срывающийся с оси, скорчившийся от спазм, агонизирующий мир? (...) Всеведущее, всебирающее, всевидящее, всепроникающее, всепонимающее Око (...подсмеивается и сочувствует, направляет и судит, умиротворяет и будоражит. Но более всего обволакивает своим лучистым, волшебным теплом всех, замерших от злопыхательств, неразделенности, отвергнутости, заброшенности. Растопляет все недоразумения, раздоры, недомолвки и границы, объединяя все в единую, ничем не разрушаемую реальность Света, Добра, Любви».

Модель миростроения в творчестве И. Богачинской является антропокосмической. Космос предстает частью человеческого быта, быт – частью Космоса, а весь мир – как целостная модель, в которой нарушение отдельных связей ведет к разрушению природной космической гармонии.

В структуре образа мира человек предстает в качестве ценностного объекта и субъекта, с которым все соотносится. Это созвучно с эстетикой шестидесятников, которые реабилитировали в русской литературе и культуре человеческую личность, индивидуализм. Одновременно человек воспринимается Богачинской как неотъемлемая часть большого целого. Личность вливается в общество, неся ответственность за него, не отделяется от социума, но и противопоставляется ему, иногда даже вступает с ним в конфликт. Постоянное пребывание на «границе между» прочитывается как необходимое условие существования. Настоящая жизнь, по характеристике поэтессы, – постоянное движение. В произведениях И. Богачинской время не имеет остановки. Интерпретируя закон постоянного движения, стимула жизни человека в мире, поэт использует метафоры огня, бури, танца. Через такие микрообразы раскрывается доминантная черта характера лирической героини – могущественная деятельная воля. Утверждается Человек-демиург, который творит мир и изменяется сам, совершенствуется вместе с ним. Человек трактуется как уникальная, неповторимая личность, способная вырваться из реальных социальных рамок, стать самотворцом.

Личность как доминанта в соотношении «мир – человек» осмысливается через художественное выражение позиции поэт и мир, которое характеризуется традиционным взглядом на проблему: призвание творчества для Богачинской – это служение народу; поэт – индикатор времени, преобразователь мира, борец за справедливость. При этом И. Богачинская исходит из эстетики страдания. Через страдание поэт учится видеть и чувствовать большой мир, и только душевная растревоженность и боль делают из него Демиурга. Такой народнический стереотип поэта является продолжением традиций классической русской литературы (и шестидесятников XX века, для которых в условиях несвободы слова, замалчивания правды, творчество было единственным оружием и оберегом нации). И. Богачинская утверждает высокую миссию поэта и поэзии, осознавая трагизм художника в реальной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное литературоведение свидетельствует об увеличении интереса к концептуальному своеобразию произведения, поэтому художественная концепция мира и человека занимает особое место в литературно-критическом анализе. В отличие от социальной и философской, эта концепция оформляет идею человеческого как эстетически пережитую модель жизни, раскрытую с помощью художественных приемов в слове и через слово.

Основой мировоззренческих и эстетических трансформаций в искусстве XX века стали, прежде всего, противоречивые изменения во внутреннем мире человека и, как следствие, в восприятии жизни как сущности. Век духовных потрясений, которые прошли через человеческие души, зацепив сознание, уничтожив традиционные этические ориентиры и установки, актуализирует в гуманитарных науках проблему неповторимой индивидуальности с несколько трагическим мировосприятием. Поэзия XX века – это поле взаимодействия интеллектуальных, моральных, эстетических смыслов. Творческие поиски русских поэтов, независимо от собственных судеб, сближаются на основе характерных для эпохи XX - XXI столетий идейно-эстетических исканий, принципов изображения человека и мира.

В результате анализа поэтических и прозаических произведений Инны Богачинской, литературно-критических статей поэтессы выясняются ее мировоззренческие и художественно-эстетические позиции, в обосновании постоянно привлекающей ее внимание категории мира и человека. Поэтическое творчество Богачинской отражает составные ее художественной концепции мира в единстве с концепцией человека, которыми являются космос, время, социум, личность, духовность, нравственно-этические идеалы, исторически сложившиеся как общечеловеческие ценности. Ее лирический герой – творческий человек, который изменяет мир и совершенствуется сам, что предусматривается как условие целостности мира и способ противодействия разрушению природной космической гармонии.

Инна Богачинская как поэт «третьей волны» эмиграции привносит в русскую современную литературу те черты времени, которые преимущественно отражают и третью треть XX века. Своеобразие ее мироощущения и миропонимания находит соответственное выражение в стиле произведений, в художественной системе образов и гражданском пафосе, что помогает выразить мысли и чувства, характерные для многих ее современников. Личные переживания Богачинской, в связи с эмиграцией оказавшиеся в ином континууме, не без естественных оттенков ностальгии, прежде всего доносят активное проникновение автора в сложности мира. Хронотоп ее творческой биографии, фактов, событий охватывает множество нюансов человеческой души. Потому ее поэтическая палитра богата неожиданностью форм, интонаций, штрихов, ракурсов.

Поэтика произведений Богачинской многообразна поисками стилевых и жанровых приемов, метафоричностью, оригинальностью использования семантических и эмоционально-экспрессивных возможностей слова. Конкретные замыслы обогащают ее поэзию как чувствами отдельного человека, так и взволнованной обращенностью к людям для совершенствования мира. Ее бесстрашие, бунтарское начало, верность в любви, дружбе, чистая совесть, дающая ощущение нравственного превосходства, постоянная готовность к самоотдаче, опирается на доброту, жалость и милосердие.

Человек в поэзии Богачинской прежде всего гражданин с декларируемой личной ответственностью, которая концептуально утверждается ею как способ решения современных гуманистических проблем и преодоления бедствий на человеческом самостоянии. Эмоциональный накал ее стихов органичен активной позиции автора, потому он местами ассоциируется с лирической героиней в призыве к добру, человеколюбию, обновлению жизни и духовному прогрессу всего человечества. Читатель в ее поэзии – это единомышленник и соратник, полностью разделяющий ее мироощущение. Читатель всегда у нее любим и поддержан. Оппозиция автора к миру не есть оппозиция к читателю, она раскрывается как необходимость протеста против безобразного.

Концепция мира и человека творчества Богачинской позволяет делать выводы о связующей ритмической и идейно-эстетической линии в ее творчестве, объединяющей не только стихи, но соединяющей их с ее прозой, что побуждает к последующим наблюдениям и исследованию творческой лаборатории поэта, нашей современницы, выражающей сегодня лучшие тенденции новейшей русской литературы. К ним в первую очередь надо отнести развитие в ее творчестве классических традиций, следование опыту энергетической поэзии В.Маяковского и А.Вознесенского, мастерство проявления художественной самобытности.

Для Богачинской характерно слияние мысли и чувства, проникновенный лиризм, естественное движение образа-переживания. В основе ее манеры – беспощадно строгий и несколько жестокий реализм письма и возвышенно - романтическая устремленность к одухотворенному. Особенно заметна антитеза земного и небесного, реального и идеального, быта и вечности, что вносит ощущение просторности, масштабности ее замыслов. Стихи отличаются живой разговорной интонацией, воспринимаются как живой диалог с собой, с читателем, и отсюда их насыщенность разговорной лексикой и фразеологией, обращениями, вопросами, восклицаниями – интонационно-синтаксическими особенностями устной речи.

Для героя поэзии Богачинской характерно неприятие лени, молчаливого терпения, пассивности, горькая ирония по отношению к существующей реальности. В разных стихах раскрывается трагизм и абсурдность популярного ныне образа жизни, с осязаемостью высокой степени опасности, детерминированной войнами, терроризмом, несовершенством социальных сторон бытия. Поэт правдиво, откровенно и критически заостряет реальные конфликты времени, делая художественные обобщения с аналитической наблюдательностью и философской глубиной.

Концепция мира и человека в произведениях И.Богачинской представляет собой ту художественную целостность, которая проецируется на динамику ее творчества, сообщая ему и новые замыслы, и новые формы. Доминантой являются поэтические поиски, лирический герой которых воплощает оттенки мироощущения и переживания автора, демонстрируя и свою эволюцию.